

## Псков в I — начале II тысячелетия н. э.

*Ad gloriam B. Я. Конецкого*

**Резюме.** Результаты археологических исследований Пскова неоднократно обсуждались в литературе. На протяжении долгого времени господствовало мнение о постепенном перерастании в средневековый город племенного центра славян-кривичей, находившегося на площадке Псковского городища. На рубеже 1970-х и 1980-х годов автор предложил альтернативную версию, согласно которой культурный слой Псковского городища содержит остатки по крайней мере четырех последовательно сменявших друг друга поселений, не связанных между собой преемственным развитием. Результаты раскопок последних десятилетий подтвердили эту гипотезу, а также позволили уточнить и детализировать соотношение между разными периодами в истории поселения на месте Пскова. Первые следы пребывания человека на Псковском городище относятся к эпохе неолита (III тысячелетие до н. э.), а первоначальное освоение площадки городища может быть датировано серединой — третьей четвертью I тысячелетия до н. э. (асвенская культура?). Соотношение этого поселения с поселением, оставленным носителями культуры сетчатой керамики (культуры каменных могильников первой половины I тысячелетия н. э.?), неясно. После прекращения жизни на поселении носителей сетчатой керамики площадка Псковского городища какое-то время пребывала в запустении. В середине I тысячелетия н. э. здесь появились носители культуры длинных

**Beletsky S. V. Pskov in the 1st and early 2nd millennia AD.** How one should understand the basic data provided by the archeological exploration of ancient Pskov is an issue to be reopened over and over again. For a long period it was established that the tribal centre of Krivichi Slavs, which was outlined within the limits of Pskov ground site, had gradually developed itself into this medieval city. At the turn of the 1980s the author suggested an alternative explanation, namely that the occupation layer of the site contained the remains of at least four consecutive settlements, not linked by consequential succession. The excavations carried out since 1980s confirmed this hypothesis and allowed to specify in detail the correlation between different occupation periods of the site. First traces of human stay are detected here in the Neolithic Age (3rd millennium BC), and the primary development of this site may be dated from middle or third quarter of the 1st millennium BC (Asva culture). It is not clear how this particular settlement referred to the one which belonged to the Textile-impressed culture (Tarand kalmistu culture of the first half of 1st millennium BC?). When occupation of Textile-impressed settlement was terminated, the site fell to desolation. In mid-first millennium AD the new settlers of Long Barrow culture came, whose occupation was relatively short. The site was then uninhabited once again. Afterwards some migrants from south-eastern Estonia (Rõuge culture) appeared here in the 7th century AD;



Результаты археологических исследований Пскова неоднократно обсуждались в литературе. На протяжении долгого времени господствовало мнение о постепенном перерастании в средневековый город Псков племенного центра славян-кривичей, находившегося на площадке Псковского городища (Тараканова 1950б). На рубеже 1970-х и 1980-х гг. К. М. Плоткин предложил новые аргументы в защиту традиционной версии (Плоткин 1980, 1992), а я выдвинул альтернативную версию, согласно которой культурный слой Псковского городища содержит остатки по крайней мере четырех последовательно сменивших друг друга поселений, не связанных между собой преемственным развитием (Белецкий С. 1979, 1980, 1983, 2003). В защиту гипотезы о постепенном перерастании славянского поселения середины I тысячелетия н. э. в русский средневековый город позднее выступил В. В. Седов (Седов 1998: 45–46; 2003).

В 1980–2000-е гг. археологические раскопки в Пскове продолжались. Результаты этих исследований в той или иной мере уже введены в научный оборот. Это позволяет проверить версию культурной стратиграфии Пскова, предложенную тридцать пять лет назад, результатами археологических исследований последних десятилетий.<sup>1</sup>

### Древнейшие поселения

Древнейшее поселение на месте современного города Пскова находилось на площадке Псковского городища. Городище занимает узкий скалистый мыс при впадении Псковы в Великую в северной части Крома — детинца средневековой псковской крепости, имеет в плане овальную форму, площадь его около 2 га. Высота площадки городища над урезом воды — 15–17 м. Южная часть Крома в древности находилась за пределами городища: перепад высот между городищем и плато начинался к югу от Троицкого собора: это хорошо видно со стороны берега р. Великой (рис. 1).

Раскопки на площадке Псковского городища проводились (с перерывами) с 1930 по 1992 г. (рис. 2, врезка). В 1930 г. руководил работами К. К. Романов (Романов 1930), в 1936 и в 1941 г. — Н. Н. Чернягин (Чернягин 1937, 1941), в 1946–1949 гг. — С. А. Тараканова (Тараканова 1947, 1948, 1949, 1950а, 1950б), в 1960–1961 гг. — Г. П. Гроздилов (Гроздилов 1964), в 1972, 1977–1978, 1983–1985 и 1991–1992 гг. — В. Д. и С. В. Белецкие (Белецкий С. 1978, 1980, 1981; Белецкий В. 1989; Белецкий В. и др. 2000). В общей сложности вскрыто более 2300 м<sup>2</sup> культурного слоя при мощности его от 1 до 5 м.

Предметом обсуждения были, по преимуществу, материалы раскопок 1946–1949 гг., а наблюдения, полученные при раскопках городища в 1970–1990-е гг., в дискуссии не учитывались. Между тем вскрытие стратиграфически сложного слоя городища в 1946–1949 гг. проводилось 20-сантиметровыми горизонтальными пластами, так что привязка находок и объектов (печи, очаги, деревянные конструкции и т. д.) к стратиграфическим слоям и прослойкам, фактически, является условной и в каждом конкретном случае требует детальной проверки (напр.: Белецкий С. 1983). Раскопки же 1970–1990-х гг. производились по

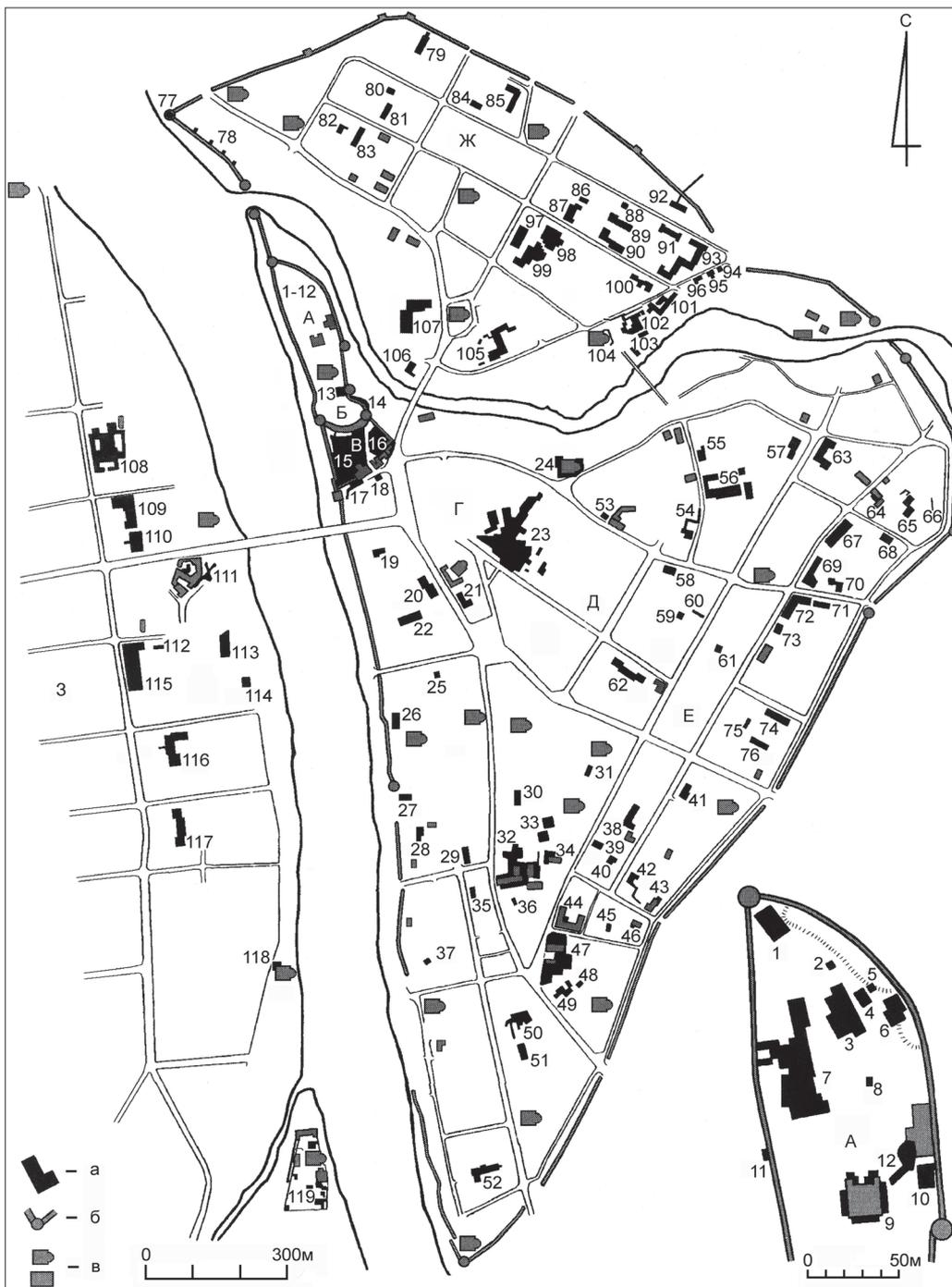
<sup>1</sup> Некоторые из результатов раскопок 1980–2000-х гг. я уже комментировал (см.: Белецкий С. 1993; 1996; 2003; 2006; Beletski 2009a; 2009b; 2009c).



Рис. 1. Псковский Кремль. Вид с северо-запада. Фото 1970-х гг.

Fig. 1. View of the Citadel of Pskov (Kremlin) from the north-west. 1970s.

Рис. 2. План-схема Пскова (А — Кром; Б — вечерная площадь; В — Довмонтов город; Г — Средний город (в пределах стены 1309 г.); Д — Средний город (в пределах стены 1375 г.); Е — Полонище; Ж — Запсковье; З — Завеличье) с обозначением мест основных раскопов (а), крепостных стен и башен (б) и памятников архитектуры (в). 1–12 — раскопы на площадке Псковского городища (врезка: 1 — 1960; 2 — 1930/№ 2; 3 — 1941, 1946/№ 2, 1947/№ 3; 4 — 1936; 5 — 1930/№ 1; 6 — 1961; 7 — 1946/№ 1, 1947/№ 4, 1948, 1949, 1977–1978; 8 — 1972; 9 — 1983; 10 — 1984; 11 — 1985; 12 — 1991–1992); 13–14 — 1973–1981; 15–16 — 1956–1990; 17 — 1991–1992; 18 — 1998; 19 — 1956; 20 — 1955, 1958–1960; 21 — 1954; 22 — 1972; 23 — 1968–1991 («у здания Пединститута» и «на ул. Ленина»); 24 — 1991–1993; 25 — 1973; 26 — 2001–2002 (Печорский); 27 — 1912; 28 — 2003 (Мстиславский); 29 — 1983; 30 — 1990 (Васильевский); 31 — 1947; 32 — 1990–1993 (Романова горка, Романиха); 33 — 1973; 34 — 1993; 35 — 1974; 36 — 1993; 37 — 1981 (Урицкий); 38 — 1988, 1990 (Кузнецкие 1–2); 39 — 1991–1992 (Кузнецкий 3); 40 — 1991–1992 (Кузнецкий 4); 41 — 1978–1979; 42 — 1991; 43 — 1992; 44 — 1982–1984; 45 — 1990; 46 — 1989; 47–49 — 1991, 1992, 2003–2007 (Подзноевские и Старовознесенские); 50 — 1988, 1991; 51 — 1981; 52 — 1985, 1991 (Покровские 1–2); 53 — 1992 (Борисоглебский); 54 — 1992 (Казанский 1); 55 — 1992 (Казанский 2); 56 — 2002–2003 (Казанские 3–6); 57 — 1981; 58 — 1967; 59 — 1956; 60 — 1987 (Петровский 3); 61 — 1982; 62 — 1983–1985 (Лужский); 63 — 1991 (Никольский); 64 — 1992; 65 — 1981–1982 (Михайловский 1); 66 — 1993 (Михайловский 3); 67 — 2007 (Петровские 6–7); 68 — 2007 (Михайловский 5); 69 — 2007 (Петровские 8–9); 70 — 1985–1986 (Петровские 1–2); 71 — 1998 (Новоторговский); 72 — 2000 (Петровский 4); 73 — 1980; 74 — 1981; 75 — 1977; 76 — 1981; 77 — 1990 (Варлаамовская башня); 78 — 1981 (шурфы по пряслу крепостной стены); 79 — 1984; 80 — 1978; 81 — 1989; 82 — 1981 (Воскресенский 2); 83 — 1977 (Воскресенский 1); 84 — 1983; 85 — 1983–1985; 86 — 1987 (Богоявленский 6); 87 — 1987 (Богоявленский 5); 88 — 1989 (Богоявленский 8); 89 — 1989 (Богоявленский 7); 90 — 1987 (Богоявленский 4); 91 — 1976; 92 — 1983 (Толокнянский); 93 — 1979, 1981, 1982; 94 — 1999 (Богоявленский 15); 95 — 1999 (Богоявленский 16); 96 — 1999 (Богоявленский 17); 97 — 2005 (Богоявленский 34); 98 — 1980, 1985, 1986, 2000 (Богоявленские 1, 2, 20); 99 — 1986, 2005 (Богоявленский 3, 31); 100 — 1978; 101–102 — 1999 (Богоявленские 10–14, 18–22); 103 — 2004 (Богоявленский 32); 104 — 1993; 105 — 1988–1990, 1993 (Козмодемьянские 1–8); 106 — 1992, 1993 (Лубянский 1); 107 — 2004 (Лубянский 2); 108 — 2006 (Ольгинские 1–3); 109–110 — 2006 (Пароменские 1–2); 111 — 1992, 1993; 112 — 1987 (Изборский 2); 113 — 1987 (Изборский 3, северная часть); 114 — 1987 (Изборский 3, южная часть); 115 — 2006 (Изборские 9–11); 116 — 1986 (Изборский 1); 117 — 1993; 118 — 1976; 119 — 1974–1976, 1978, 1990, 1991 (Мирожский монастырь).





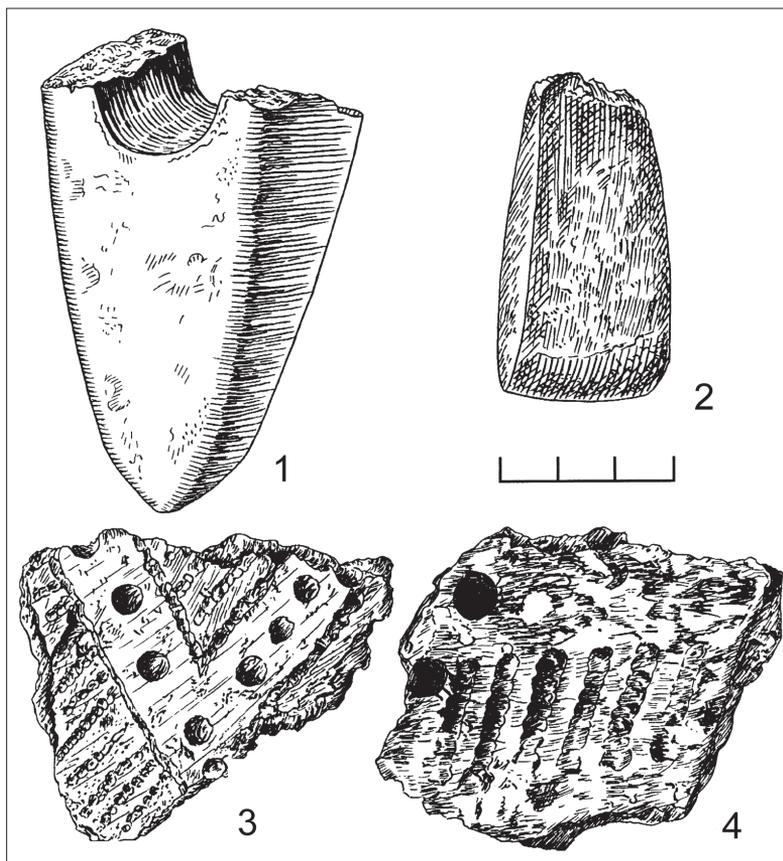


Рис. 3. Псковское городище. Раскоп 1946 г. (рис. 3, № 3). Каменные орудия (1–2) и керамика (3–4) из предматерикового слоя (по С. А. Таракановой).

Fig. 3. Pskov settlement site. Excavation pit of 1946 (fig. 3, N 3). Stone tools (1–2) and pottery (3–4) from the stratum on top of the bedsoil (after S. A. Tarakanova).

Слой погребенного дерна перекрывали отложения темно-коричневого (до черного) цвета мощностью до 1 м, содержавшие многочисленные прослойки глины, песка, золы, угля, древесного тлена, щепы и навоза. В этом слое в разных раскопах выявлено от трех до семи горизонтов застройки (рис. 6: 2–4), представленных остатками срубных и столбовых построек с глинобитными или земляными полами и отопительными сооружениями в виде открытых очагов, обложенных по периметру плитняковыми камнями, и глинобитных купольных печей, поды которых представляли собой булыжную вымостку, промазанную глиной. Очаги занимали в интерьере жилищ серединное положение, а печи размещались как в центральной части жилища, так и со смещением к углу или к одной из стен. Постройки с глинобитными или земляными полами располагались рядами, ориентированными вдоль длинной оси площадки городища, а между рядами прослеживались свободные от застройки проезды;

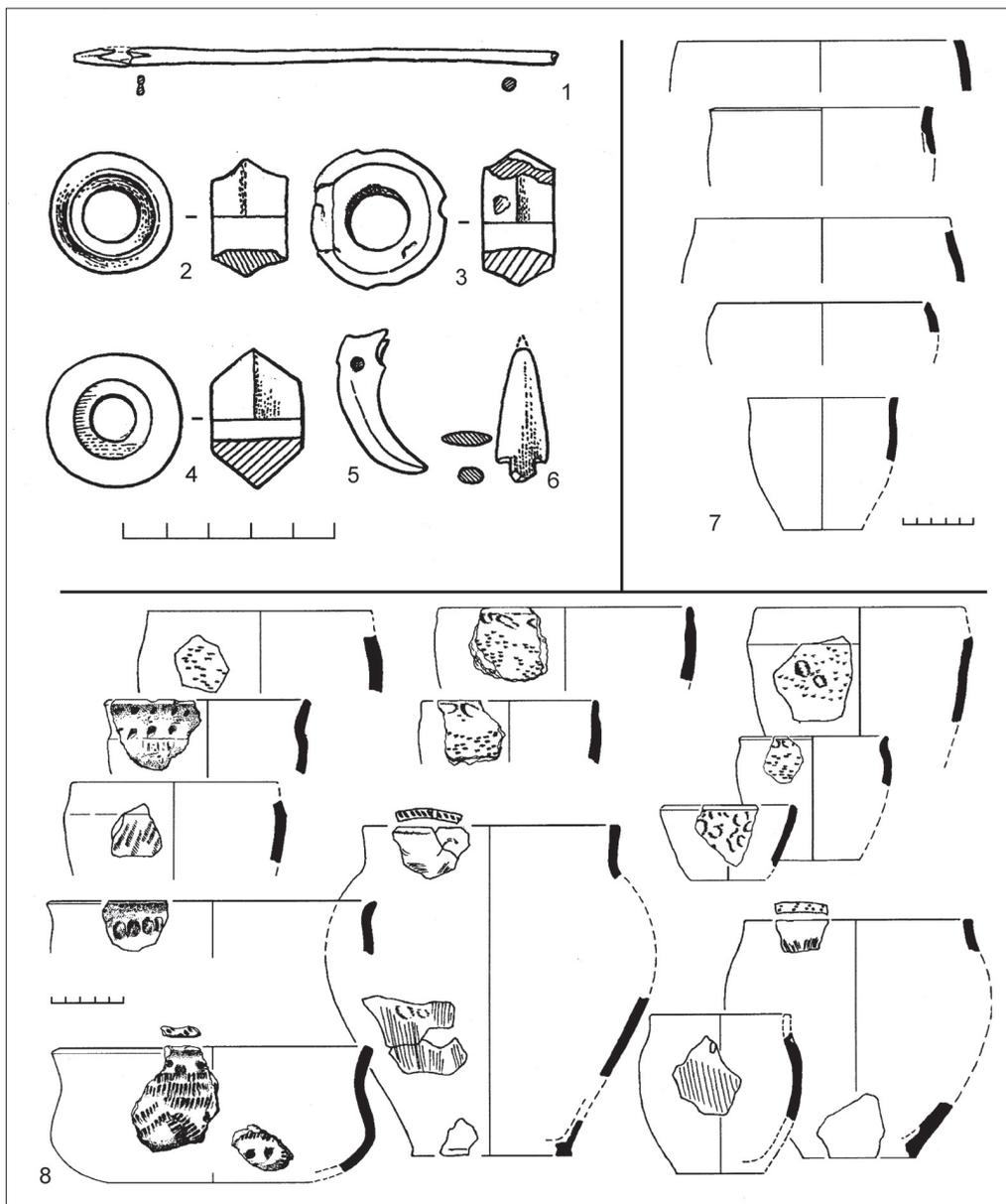


Рис. 4. Псковское городище. Раскоп 1991–1992 гг. (рис. 2, № 12). Вещи (1–6) и керамика (7–8) из предматерикового слоя.

Fig. 4. Pskov settlement site. Excavation pit of 1991–1992 (fig. 2, N 12). Artifacts (1–6) and pottery (7–8) from the stratum on top of the bedsoil.

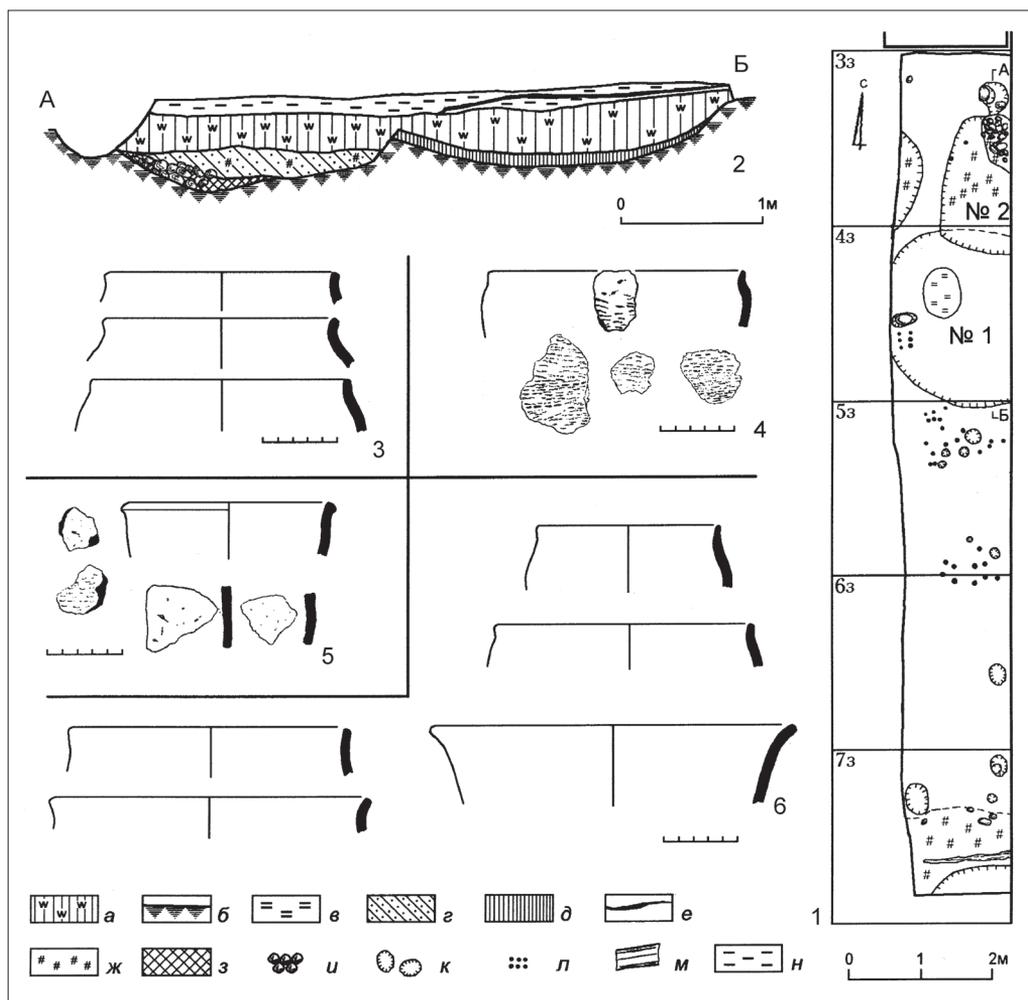


Рис. 5. Псковское городище. Раскоп 1983 г. (рис. 2, № 9). 1 — план восточной траншеи по матерiku; 2 — стратиграфия А-Б; 3-6 — керамика (3 — из заполнения котлована постройки № 2; 4 — из заполнения котлована постройки № 1; 5 — из материковой ямы в южной траншее; 6 — из предматерикового слоя). Условные обозначения: а — серая гумусированная супесь; б — материк; в — прокаленная почва; г — светло-серый слой; д — погребенный дерн; е — угольная прослойка; ж — угли; з — черный слой; и — булыжные камни; к — ямы; л — кольевые ямки; м — дерево.

Fig. 5. Pskov settlement site. Excavation pit of 1983 (fig. 2, N 9). 1 — plan of the eastern trench along the bedsoil; 2 — stratigraphy A-B; 3-6 — pottery (3 — from the filling of the foundation ditch for the building N 2; 4 — from the filling of the foundation ditch for the building N 1; 5 — from the bedsoil pit in the southern trench; 6 — from the stratum on top of the bedsoil). Legend: a — grey humous sandy clay; б — bedsoil; в — calcined soil; г — light grey stratum; д — buried turf; е — coal layer; ж — ashes; з — black stratum; и — cobblestones; к — pits; л — stake pits; м — wood.

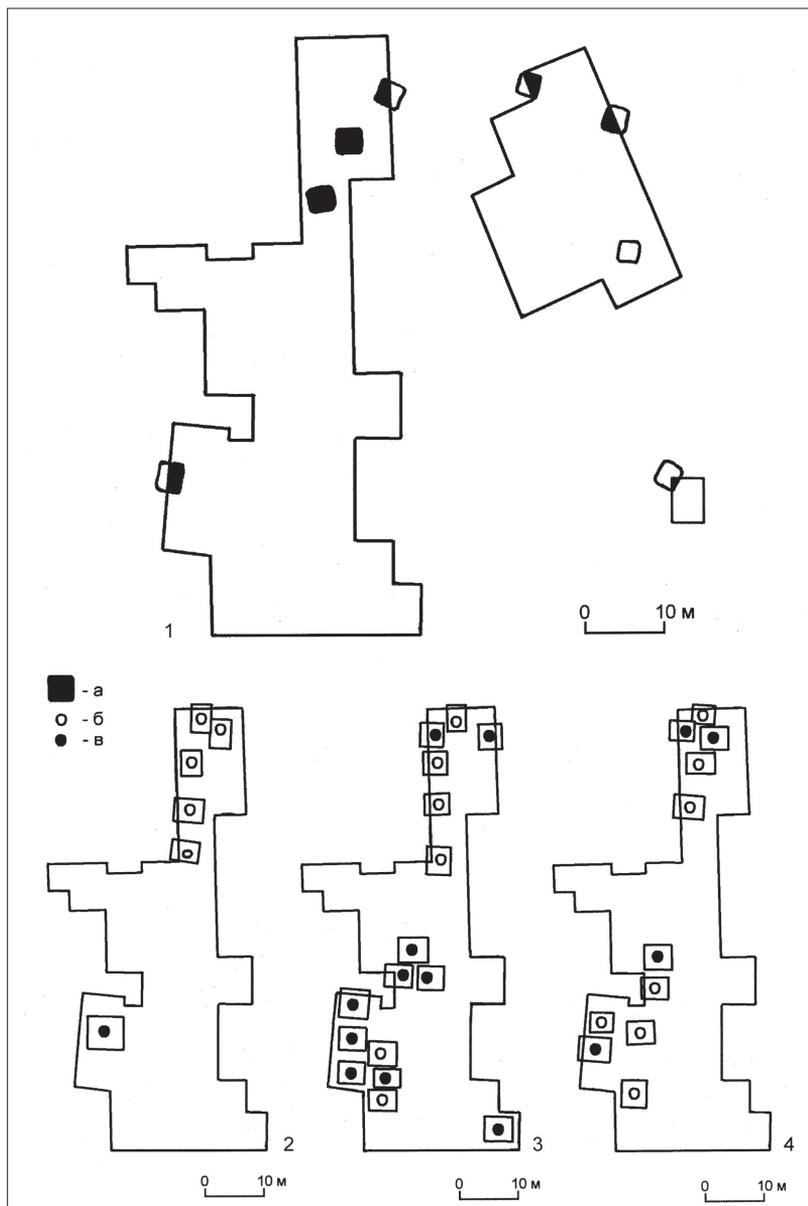


Рис. 6. Застройка площадки Псковского городища в середине I тысячелетия н. э. (1) и в VII–IX вв. (2–4): а — постройки с углубленным котлованом; б — очаги; в — печи.

Fig. 6. Development of Pskov settlement site in mid-1st millennium AD (1), and in the 7th–9th centuries AD (2–4): a — buildings with deeper ditches; б — fireplaces; в — stoves.



Таким образом, первые следы пребывания человека на Псковском городище относятся к III тысячелетию до н. э., а первое поселение здесь появилось не позднее середины — третьей четверти I тысячелетия до н. э. (асвенская культура?). Соотношение этого поселения с поселением, оставленным носителями культуры сетчатой керамики (культуры каменных могильников?), неясно. После прекращения жизни на поселении, принадлежавшем носителям сетчатой керамики, площадка Псковского городища какое-то время пребывала в запустении, пока в середине I тысячелетия н. э. здесь не появились носители культуры длинных курганов. Это поселение существовало, вероятно, сравнительно недолго, после чего Псковское городище некоторое время вновь оставалось необитаемым — вплоть до появления здесь в VII в. носителей рюгеской культуры. Именно это поселение, погибшее в пожаре начала 860-х гг, непосредственно предшествовало появлению при слиянии Псковы и Великой раннегородского образования.

### Раннегородское образование

Культурный слой, содержащий материалы второй половины IX — начала XI в., выявлен в Пскове не только на городище, но и за его пределами — в южной части Крома, на территории Довмонтова города, в Среднем городе и на Полонище. Маркирующими находками этого времени являются фрагменты предкруговой (рис. 8: а), раннекруговой (рис. 8: б) и круговой богато орнаментированной (рис. 9) керамики.

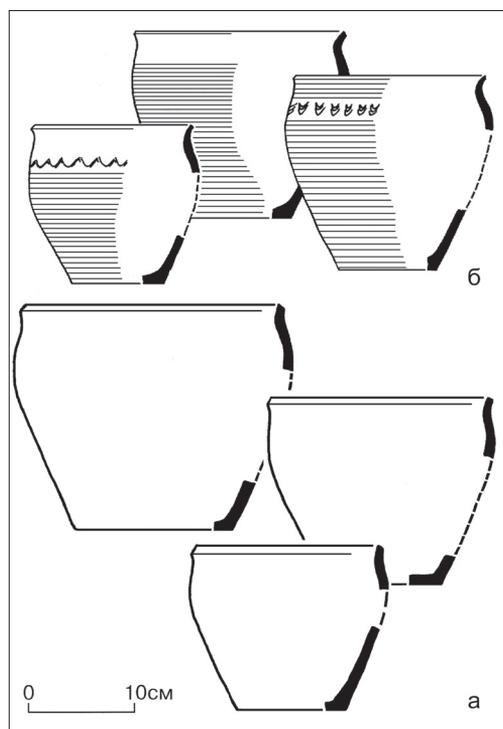


Рис. 8. Керамика из раскопов 1947–1948 гг. (а) в Псковском Кремле (рис. 2, № 7) и из горизонта Ж раскопа 1956 г. (б) в Среднем городе (рис. 2, № 19).

Fig. 8. Pottery from excavation pits of 1947–1948 (а) in the Citadel (Kremlin) (fig. 2, N 7) and from Ж horizon of the excavation pit of 1956; (б) in the Middle City (fig. 2, N 19).



дружинного и купеческого элемента (складные весы и гирьки, детский деревянный меч, имитирующий мечи типа Н или J).

Раскопками 1948 г. (рис. 2, № 7) на небольшом участке восточного края площадки городища были вскрыты остатки укреплений в виде насыпанного из глины узкого вала, по гребню которого проходил частокол (Тараканова 1950а: 61). В слое, отложившемся в период функционирования этих укреплений, найдены фрагменты лепной и раннекруговой керамики, что позволяет датировать фортификацию концом IX — началом XI в. (Белецкий С. 2000б: 27).

В южной части Крома, в пространстве позднейшей вечевого площади (рис. 2, № 13–14) нижняя часть культурного слоя содержала находки лепной керамики. Эти напластования перекрывал слой, содержащий находки лепной и раннекруговой керамики, в свою очередь перекрытый прослойкой пожара с находками круговой богато орнаментированной керамики конца X — начала XI в. (Белецкий С. 1978: 60, рис. 3) и предметов этого времени — бляшка, фрагмент наборной односторонней роговой гребенки, глиняные диски, бусина голубого стекла на металлическом завязанном колечке, куфический дирхем 914–934 гг. (Белецкий С. 1978: 58–62, рис. 4). В нижней части слоя открыты фрагменты срубных построек с глинобитными купольными печами.

В пространстве Довмонтова города отложения культурного слоя с находками лепной, раннекруговой и круговой богато орнаментированной керамики были в основном разрушены при строительстве каменных храмов XII–XVI вв., а также в процессе функционирования прицерковных кладбищ. Относительно не потревоженный слой конца X — начала XI в. выявлен только раскопками 1963 г. (рис. 2, № 15, западная часть): в предматериковых отложениях этого раскопа были открыты остатки погибшего в пожаре железодельного комплекса, сопровождавшиеся находками круговой богато орнаментированной керамики (Белецкий В. 1966б: 87–88). Датированные находки этого времени с территории Довмонтова города малочисленны: незавершенная ажурная подвеска гнездовского типа, отлитая из оловянистого сплава, односторонние наборные гребенки группы II, византийский солид 945–949 гг. (Белецкий С. 1996: 61; Гурулева 2002: 34–36).

В Среднем городе (в границах стены 1309 г.) отложения культурного слоя X — начала XI в. и объекты этого времени были открыты в раскопе 1956 г. (рис. 2: № 19) в западной части междуречья Псковы и Великой и в раскопах «на ул. Ленина» в восточной части междуречья (рис. 2: № 23). В раскопе 1956 г. нижний горизонт застройки (горизонт Ж, по Г. П. Гроздилову) представлен фрагментами срубных построек, сопровождавшихся находками раннекруговой керамики X в. (рис. 8: б) и единичными обломками лепных сосудов (Гроздилов 1962: 54, рис. 41; Белецкий С. 1996: 64, рис. 53). Вышележащий горизонт застройки (горизонт Е, по Г. П. Гроздилову) представлен остатками погибших в пожаре срубных построек, при расчистке которых найдены фрагменты круговой богато орнаментированной керамики (рис. 9) конца X — начала XI в. (Гроздилов 1962: 55, рис. 42; Белецкий С. 1996: 66–67, рис. 54–55). В слое пожара найден детский деревянный меч, имитирующий мечи типа X (Гроздилов 1962: 56, рис. 43).

Остатки застройки конца X — начала XI в. в юго-восточной части междуречья Великой и Псковы зафиксированы только в слоях древнейшего яруса

застройки в раскопе X «на ул. Ленина» (рис. 2, № 23, северо-восточная часть): дендрохронология этого яруса — 990–1011 гг. (Плоткин 1996: 165). В слое найдены фрагменты круговой богато орнаментированной керамики, такая же керамика происходит и из доярусного слоя (Плоткин 1996: 165).

Большая часть пространства раскопов 1968–1991 гг. «на ул. Ленина» (рис. 2, № 23) в X — начале XI в. была занята курганным некрополем, насыпи которого оказалась разрушены еще в древности. В процессе раскопок 1974–1991 и 1998 гг. было открыто около 80 погребений (рис. 10). Среди захоронений преобладают погребения по обряду трупосожжения (ТС) на стороне. Не менее трети из них было помещено в урны — лепные, раннекруговые и круговые богато орнаментированные сосуды (рис. 11), либо поставленные на горизонте или на кострище, либо помещенные в грунтовые ямки, опущенные с поверхности погребенного дерна, с поверхности подсыпки или же впущенные в насыпи курганов. ТС на месте немногочисленны: уверенно можно пока говорить только об одном захоронении (погр. 19), размещавшемся на ладьевидном кострище. Погребения по обряду трупоположения (ТП) составляют менее 10% от всех захоронений некрополя. Зафиксированы основные (в деревянных камерах, в колоде, в яме) и впускные (в ямах) ТП, ориентированные, по преимуществу, головой на юг и юго-запад; одно погребение (№ 15) имело северо-восточную ориентировку.

Большинство открытых ТС безынвентарны (если не считать фрагментов керамики и сосудов-урн). Из разрушенного ТС (погр. 4, см.: Лабутина и др. 1981: 72–73) происходят парные скорлупообразные фибулы (рис. 12: 10). В ямку, заполненную кальцинированными костями (погр. 9, см.: Лабутина и др. 1981: 74) были воткнуты нож и наконечник стрелы; из этого же погребения происходят калачевидное кресало, бронзовая спиралеконечная фибула с ромбическим сечением дуги и гирька-разновес. Сломанный нож был воткнут в кострище рядом с урновым ТС (погр. 50, см.: Волочкова, Закурина 1996: 124–125). Из переотложенного ТС (погр. 46, см.: Волочкова, Закурина 1996: 124) происходит булавка с декоративным кольцом (рис. 12: 8). В ряде ТС (погр. 12, 26, 36а, 55, см.: Лабутина и др. 1981: 74; Волочкова, Закурина 1996: 126; Лабутина 1996: 111–114; Кильдюшевский 1996: 144) обнаружены фрагменты наборных односторонних гребенок. В погр. 36а (Кильдюшевский 1996: 144), кроме того, найдены пружинные ножницы и нож. В погр. 9а найдены фрагмент ткани, игла от бронзовой фибулы и точильный камень (Лабутина и др. 1981: 74). Из погр. 34 (Кильдюшевский 1996: 140–141) происходит обреза (?) серебряного кружка (монеты?). В погр. 17 (Лабутина 1996: 100, 103–105) найдена круглая пряжка из цветного металла (рис. 12: 6).

С погр. 57, открытым под насыпью так называемого «большого кургана», связан ряд находок: бронзовая пряжка (рис. 12: 7), ременная накладка (рис. 12: 4), мелкие фрагменты двух односторонних наборных гребней, набор амулетов, подвешенных на бронзовом завязанном кольце (рис. 12: 14), фрагменты весов (рис. 12: 2–3) и гирьки, оселок, игрушка — лодочка из сосновой коры, железная дужка от ведра (Колосова, Милютина 1994: 110–127).

В нескольких погребениях найдены стеклянные бусы (погр. 20, 23, 29, 31, 36/36а, 40, 44, 47, 66, 67, 72, см.: Лабутина 1996: 107–109; Волочкова, Закурина 1996: 123; Милютина 1996: 135; Колосова, Милютина 1996: 155), из погр. 20

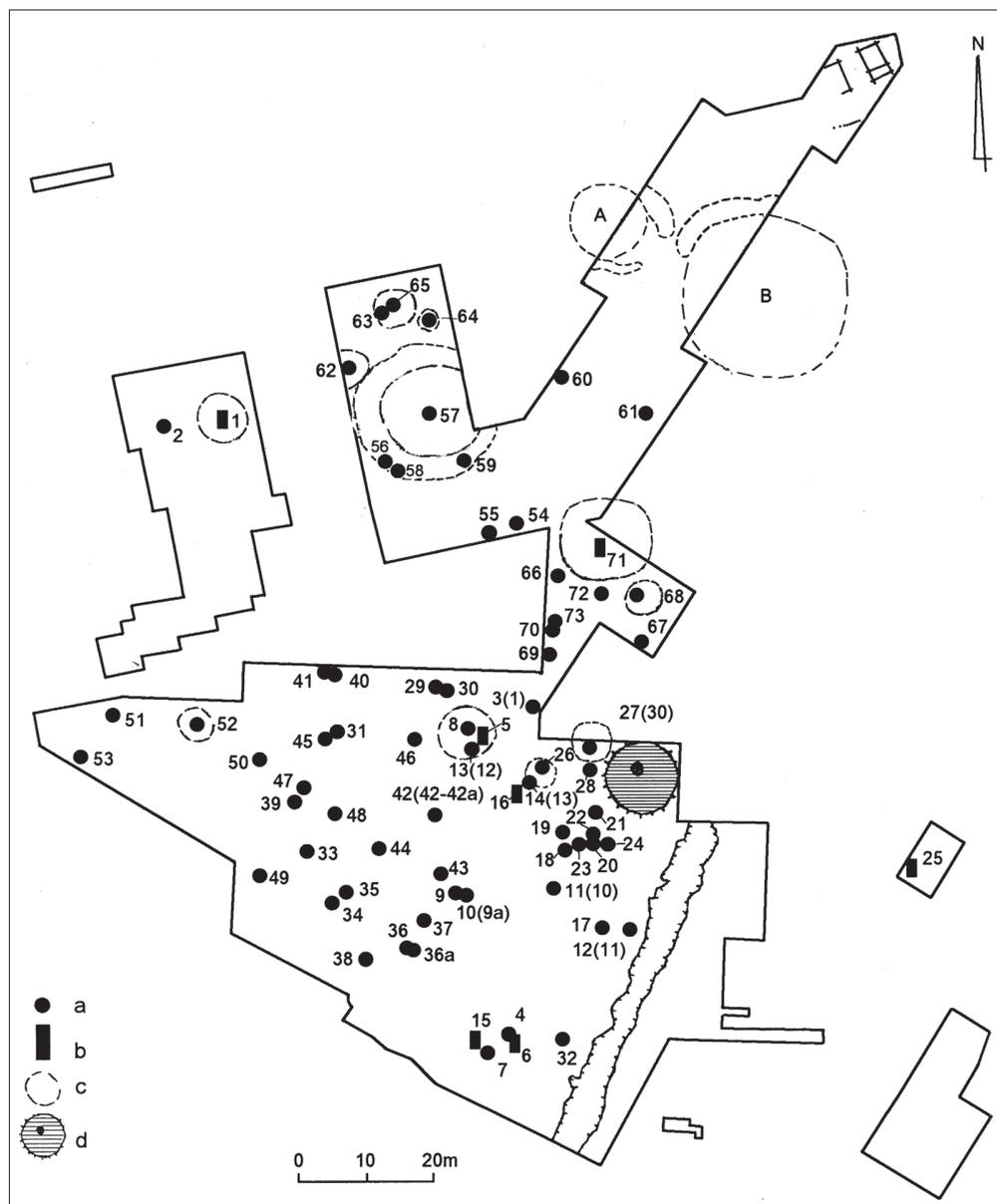


Рис. 10. Псков. План-схема некрополя в раскопах «на ул. Ленина» (рис. 2, № 23): а — погребения по обряду кремации; б — погребения по обряду ингумации; с — контуры курганных насыпей и ровиков; д — святилище (по Н. Н. Милютиной; с элементами реконструкции).

Fig. 10. Pskov. Layout of the necropolis in Lenin Street excavation pits (fig. 2, N 23): a — cremation burials; b — inhumation burials; c — outlines of barrow mounds and pits; d — sanctuary (after N. N. Milyutina, partly reconstructed).

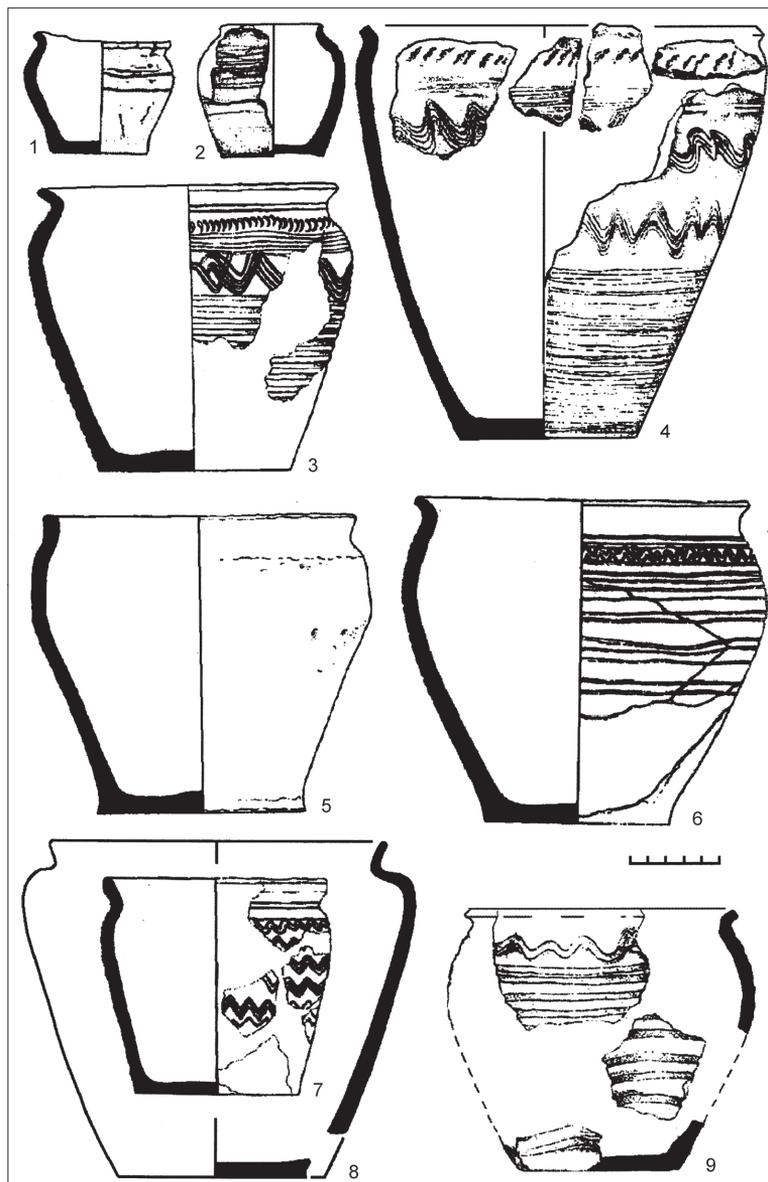


Рис. 11. Керамика из погребений в раскопе на ул. Ленина в Пскове. 1 — № 42/42а, 2 — № 23, 3 — № 34, 4 — № 54, 5 — № 36, 6 — № 73, 7 — № 37, 8 — № 17, 9 — № 70 (по О. К. Волочковой, Т. Ю. Закуриной, В. И. Кильдюшевскому, И. О. Колосовой, И. К. Лабутиной, Н. Н. Милютиной; 4, 9 — с элементами реконструкции).

Fig. 11. Pottery from the burials from Lenin Street excavation pits in Pskov. 1 — N 42/42a, 2 — N 23, 3 — N 34, 4 — N 54, 5 — N 36, 6 — N 73, 7 — N 37, 8 — N 17, 9 — N 70 (after O. K. Volochkova, T. Yu. Zakurina, V. I. Kil'dyushevsky, I. O. Kolosova, I. K. Labutina, N. N. Milyutina; 4, 9 — partly reconstructed).

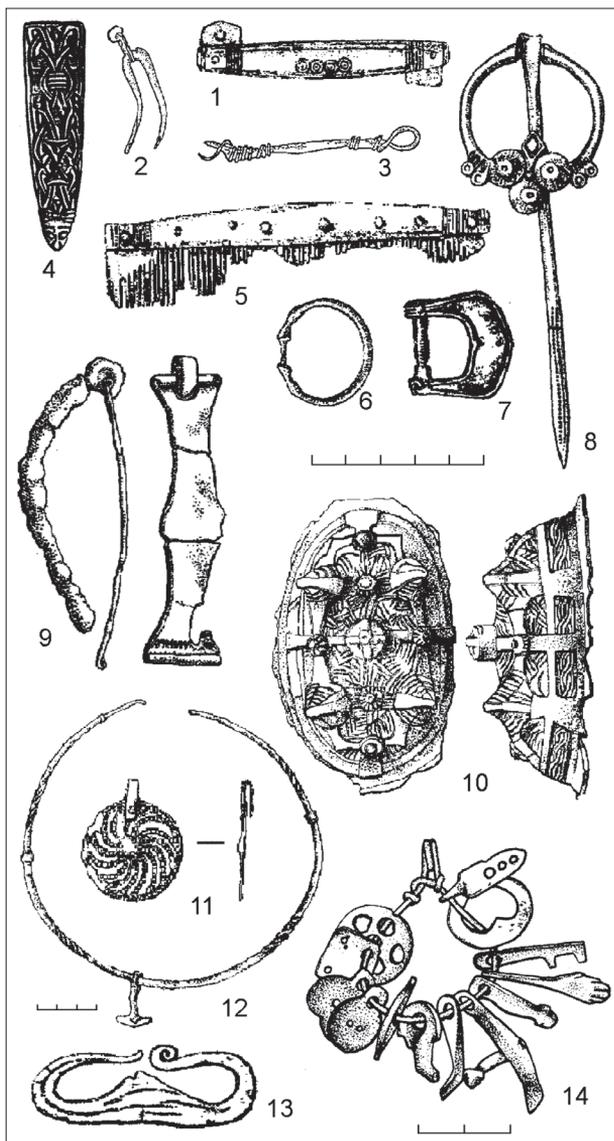
(Лабутина 1996: 107–109) происходят, кроме того, нож и две монетовидные подвески с приклепанными ушками (рис. 12, 11), а из погр. 72 — бронзовый браслет (Колосова, Милютина 1996: 155). Кроме того, в ровике кургана А найдены железная тордированная гривна с молоточком Тора (рис. 12: 12) и во- тивный железный топорик (Плоткин 1996: 165, рис. 4), а в ровике кургана, перекрывшего погр. 26, обнаружен витой браслет с завязанными концами (Лабутина 1996: 112, 114, рис. 15, 3).

Большинство открытых ТП содержали погребальный инвентарь. В камерном погр. 1 вместе с останками мужчины 30–50 лет были найдены дно берестяного сосуда и наконечник копья (Лабутина 1983: 151–153). В камерном погр. 15 останки мужчины 25–30 лет сопровождали дуговидная пластинчатая фибула (рис. 12: 9), железный нож и железный футляр для трута (Лабутина и др. 1981: 75). В камерном (?) погр. 25 вместе с останками юноши были погребены круговой богато орнаментированный сосуд и боевой топорик-чекан (Колосова, Харлашов 1983: 241–244). Погребение ребенка в деревянной колоде (погр. 6) сопровождалось раннекруговым сосудом и железным ножом с длинным черенком (Лабутина и др. 1981: 73). У правого бедра погребения мужчины 45–50 лет (погр. 71), опущенного в гробовище в прямоугольную могильную яму, найден железный нож (Колосова, Милютина 1996: 152–153). Из камерного погр. 74 (мужчина 35–45 лет) происходит односторонний наборный гребень группы II, а также фрагмент золотого шитья от плаща (Закурина 2006: 59–66). Безынвентарными были детское погр. 5 и погребение младенца № 16 (Лабутина и др. 1981: 72–74).

Ряд предметов, происходящих из предматерикового слоя, с большой степенью вероятности можно связывать с разрушенными погребениями. Таковы равноплечная бронзовая фибула (Лабутина и др. 1981: 75), тордированная железная гривна (Лабутина 1983: 157), инкрустированные бусы, изготовленные из трубочек (Лабутина 1983: 157), ланцетовидный наконечник стрелы (Лабутина 1983: 157), скрамасакс (Артемьев 1991: 72).

В пространстве, занятом курганами некрополя, были исследованы также остатки круглой плоской площадки (диаметр 11 м), окруженной ровиком (рис. 13). Судя по зафиксированным раскопками пятнам погребенного дерна, насыпи над ней не было. По периметру площадки открыто несколько столбовых ям, а в центре площадки — две ямы, в одной из которых открыто основание дубового (?) столба, диаметром 0,5 м. В слое погребенного дерна на площадке и в окружавшем ее ровике собраны фрагменты лепной (рис. 13) и круговой богато орнаментированной керамики (Лабутина 1984: 5,6; 1989: 100–108). И. К. Лабутина интерпретировала комплекс как остатки языческого святилища, а центральный столб на его площадке — как нижнюю часть деревянного идола, срубленного или спиленного при уничтожении капища (Лабутина 1989: 100–107). «Функционирование площадки (святилища. — С. Б.) и кладбища прекратилось, по-видимому, одновременно — в первой половине XI в.» (Лабутина, 1987: 133).

На Полонище, к югу от Среднего города, плохо сохранившиеся следы культурного слоя X — начала XI в. зафиксированы раскопками 1989–1993 гг. — на так называемой «Романовой горке» (рис. 2: № 32). Здесь под слоем XV–XIX вв. были открыты остатки курганно-жальничного могильника XI–XII вв., среди погребений которого преобладают грунтовые ТП, но обнаружено, по крайней мере, одно ТС. В предматериковых отложениях культурного слоя обнаружены



единичные фрагменты лепной и примитивно-круговой керамики (Кильдюшевский 1994: 19–20). В окрестностях Романовой горки в 1881 г. был найден клад, состоявший из серебряных скандинавских и прибалтийско-финских украшений (Александров, Кильдюшевский 1988: 71–74). Раннее освоение окрестностей Романовой горки подтвердилось раскопками 2003–2008 гг. (рис. 2: № 47–49), когда к югу от раскопов 1989–1993 гг. были открыты остатки могильника, содержавшего камерные ТП (рис. 14) второй половины X в. (Яковлева 2006: 66–78, 2008: 419–421, 2009: 11–12; Jakovleva 2006: 18–20, 2010: 63–64; Михайлов 2006: 79–87; Лабутина и др. 2009: 386–407), а к северо-западу — нарушенное поздним перекопом безынвентарное ТС (Салмина 2006а: 27).

Фрагменты богато орнаментированной круговой керамики, найденные в Козмодемьянских раскопах в прибрежной части Запсковья (рис. 2: № 105), дают основания предполагать, что на рубеже X–XI или в начале XI в. на правобережье Пскова появилось неукрепленное

Рис. 12. Находки из погребений и предматерикового слоя в раскопе «на ул. Ленина» в Пскове. 1, 5 — доярусный слой; 2–4, 6–11, 13, 14 — погребения (2–4, 7, 14 — № 57; 6 — № 17; 8 — № 46, 9 — № 15, 10 — № 4, 11 — № 20, 13 — № 60); 12 — из заполнения ровика кургана А (по О. К. Волочковой, Т. Ю. Закуриной, В. И. Кильдюшевскому, И. О. Колосовой, И. К. Лабутиной, Н. Н. Милутиной, К. М. Плоткину).

Fig. 12. Finds from the burials and from the stratum on top of the bedsoil in Lenin Street excavation pits in Pskov. 1, 5 — pre-tier layer; 2–4, 6–11, 13, 14 — burials (2–4, 7, 14 — N 57; 6 — N 17; 8 — N 46, 9 — N 15, 10 — N 4, 11 — N 20, 13 — N 60); 12 — from the filling of the barrow A pit (after O. K. Volochkova, T. Yu. Zakurina, V. I. Kil'dyushevsky, I. O. Kolosova, I. K. Labutina, N. N. Milyutina, K. M. Plotkin).

поселение. Вероятно, с ним был связан могильник, погребения которого открыты раскопками 2004–2005 г. (Салмина 2006б: 187–189). Погребение, исследованное на Богоявленском-31 раскопе (рис. 2: № 103) — грунтовое ТП, головой на север. Погребение, обнаруженное на Богоявленском-34 раскопе (рис. 2: № 97), совершено в яме, перекрытой курганной насыпью. Костяк не сохранился. В заполнении могильной ямы и в ровике кургана найдены фрагменты лепной керамики и железная пряжка.

Следы неукрепленного поселения конца X–XIII вв. были также открыты раскопками 1986–1987 гг. на Завеличье: в предматериковых пластах культурного слоя Изборских 1 и 3 раскопов (рис. 2: № 113, 114, 116) были найдены фрагменты круговой богато орнаментированной керамики (Харлашов 1994: 66–67, рис. 24). Раскопками 2006 г. (рис. 2: № 115) в непосредственной близости от этого поселения под культурным слоем XV–XVII вв. был открыт курганный (?) могильник с грунтовыми ТП второй половины X — начала XI в.; среди исследованных погребений одно было камерным (Закурина, Степанов 2008: 14–16).

Таким образом, вплоть до середины I тысячелетия н. э. поселение при слиянии Псковы и Великой ограничивалось площадкой городища. Вскоре после 860 г. это поселение гибнет в пожаре, и на его месте возникает новое, отличавшееся от своего предшественника по основным компонентам материальной культуры (керамика, домостроительство, инвентарь). С этого времени начинается интенсивный рост поселения: в последней трети IX в. осваивается южная часть территории Крома, к середине X в. жилая застройка распространяется вдоль берега Великой, а к рубежу X–XI вв. — и вдоль берега Псковы. В первой половине XI в. площадь предградья достигает 12 га. В это же время в пространстве между двумя языками посада, на возвышенности в центральной части Среднего города и вокруг нее формируется курганный некрополь, центральную часть которого занимало святилище. К югу от некрополя, а также на правом берегу Псковы и на левом берегу Великой появляются неукрепленные поселения, рядом с которыми возникают могильники (рис. 15).

Очевидно, что раскопками 1980–2000-х гг. подтвердилась высказанная мною еще в середине 1970-х годов<sup>4</sup> гипотеза, согласно которой поселение при слиянии Псковы и Великой к X в. приобрело топографическую структуру (град + предградье + некрополь), характерную для древнейших городов Руси (Белецкий С., Лесман 1979). Позднее с этим выводом согласился В. В. Седов (Седов 1998: 43, 2003: 16; ср.: Харлашов 2007: 72).

В литературе раннегородское образование при слиянии Псковы и Великой традиционно рассматривается как результат эволюционного развития поселения, существовавшего на площадке Псковского городища в последней четверти I тысячелетия н. э. (Тараканова 1950б; Плоткин 1980, 1992; Седов 1998: 45–46, 2003). Остаюсь при своем прежнем мнении и полагаю, что безоговорочно считать эти два поселения двумя этапами эволюционного развития одного и того же населенного пункта, по меньшей мере, неосторожно.

<sup>4</sup> Доклад «К вопросу о топографии древнейшего Псковского посада (по материалам керамики)», прочитанный автором 31 марта 1975 г. на XX студенческой научной конференции в Псковском государственном педагогическом институте; см. также: (Белецкий 1980; 1993; 1996; 2003).



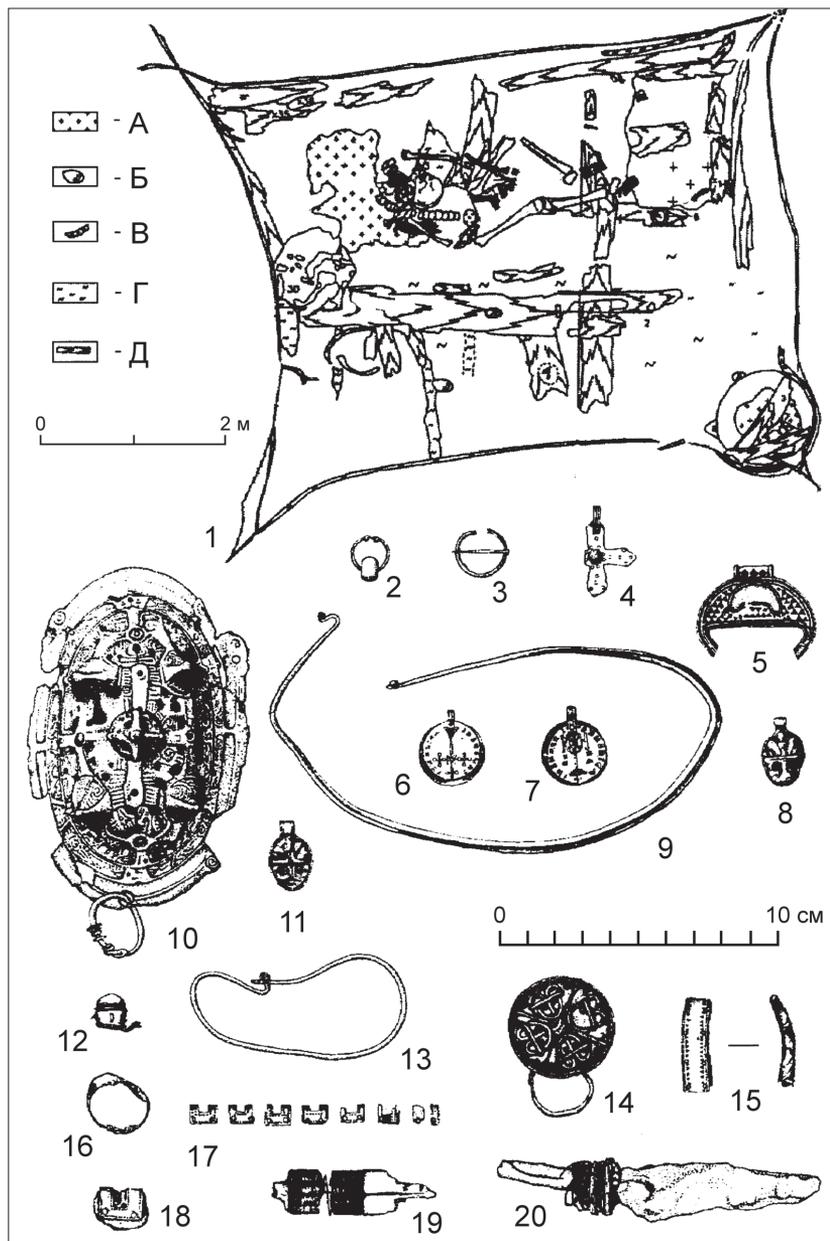


Рис. 14. Камерное погребение X в. из раскопок 2003 г. (по Е. А. Яковлевой). 1 — план погребения (А — органический тлен; Б — камни; В, Д — доски; Г — древесный тлен), 2 — погребальный инвентарь.

Fig. 14. 10th century chamber burial from excavations pits of 2003 (after Ye. A. Yakovleva). 1 — burial layout (A — organic decay; Б — stones; В, Д — planks; Г — wooden decay), 2 — burial implements.

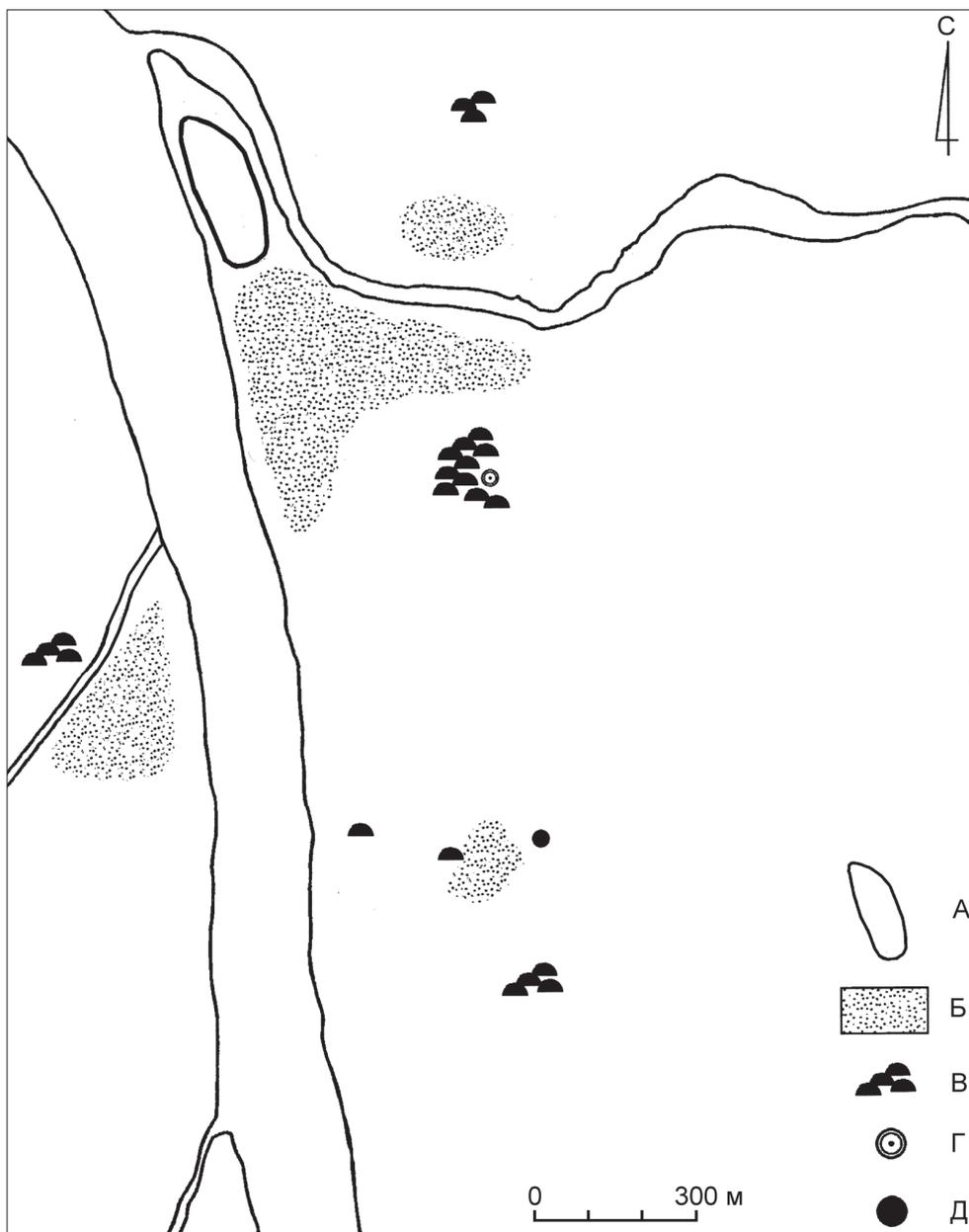


Рис. 15. Топография раннегородского образования X–XI вв. при слиянии Псковы и Великой: А — городище; Б — неукрепленные поселения; В — могильники; Г — святилище; Д — место находки клада 1881 г.

Fig. 15. Topography of the early urban settlement at the confluence of the rivers Pskova and Velikaya (10th–11th centuries): А — town's site; Б — unfortified settlements; В — burials; Г — sanctuary; Д — place where a hoard was found in 1881.

В первой трети XI в. (до 1044 г.) поселение при впадении Псковы в Великую гибнет в пожаре, следы которого зафиксированы в раскопах на площадке городища, в южной части Крома, в Довмонтовом городе и в раскопе 1956 г. Среднего города. Тогда же нивелируются курганные насыпи некрополя и уничтожается святилище, а само пространство, прежде занятое некрополем, начинает застраиваться городскими кварталами. Древнейший столб-свая, прорезавший курганную насыпь над погр. 1 (рис. 10), дендрохронологически датирован 1044 г. (Лабутина 1983: 150, 156, рис. 6, табл. 9, спил № 223), что позволяет относить гибель раннегородского образования к рубежу 1030–1040-х гг.

### Древнерусский город

Раскопками разных лет культурный слой XI — начала XIII в. зафиксирован в Кремле, Довмонтовом городе, в Среднем городе, на Полонище, Запсковье и Завеличье. На площадке Псковского городища отложения XI–XII вв. сильно нарушены, а в ряде раскопов — полностью уничтожены во время земляных работ позднейшего времени: отложения I тысячелетия н. э. перекрыты слоем XIV–XV или даже XVII в.; лакуны указывают на неоднократное проведение здесь масштабных планировочных работ. Однако к XI–XII вв. относятся многочисленные ямы, прорезавшие более древние напластования (Белецкий 1983), и это позволяет фиксировать в западной половине площадки городища жилую застройку. В раскопе 1977–1978 гг. (рис. 2, № 7) (Белецкий 1981) зафиксирован слой пожара и остатки сгоревшей постройки XII в. (рис. 16). В центральной части площадки городища к этому времени относятся открытое раскопками 1947 г. (рис. 2, № 3) деревянное замощение площади (Тараканова 1949), окруженной с запада и юга частоколом, остатки которого исследованы в раскопах 1947, 1948 и 1972 гг. (Тараканова 1950: 55; Белецкий 1978; Скрынникова 2000: 28–29). Древнейшая каменная крепостная стена, раскрытая на небольшом участке раскопками 1948 г. (рис. 2, № 7) (Тараканова 1950: 61), была, судя по результатам раскопок 1985 г. (рис. 2, № 11) (Белецкий 2000: 27–28), возведена на рубеже XI–XII вв. К 30-м годам XII в. относится строительство «из камня с кирпичом» в южной части детинца собора Св. Троицы; при раскопках 1981 г. в слое разрушения храма обнаружены фрагменты фресок (Белецкий В. 1983: 6).

В южной части Крома, за пределами крепости XII в. (рис. 2, № 13, 14) отложения культурного слоя XI–XII вв. отсутствуют: слой начала XI в. здесь перекрывали напластования XIV–XV вв. и более позднего времени (Белецкий С. 1978). Очевидно, что в пространстве позднейшей вечерней площади слои древнерусского времени были уничтожены при планировочных работах. На территории Довмонтова города (рис. 2, № 15–16) слой, содержащий керамику и предметы второй половины XI–XII вв., был разрушен при строительстве каменных храмов XII–XVI вв., а также в процессе функционирования прицерковных кладбищ. Следы застройки XII в. здесь отсутствуют. В 1132 г. (Белецкий С. 1998: 39–44) на территории Довмонтова города была возведена ц. Дмитрия Солунского «на Торгу» (фундаменты раскрыты раскопками 1965–1966 гг., см.: Белецкий В. 1966а: 13–16), так что пространство Довмонтова города было в это время, вероятнее всего, занято торговой площадью; при раскопках 1966 г. рядом с храмом открыты захоронения XII–XVII вв. (Белецкий В. 1967: 7–8).

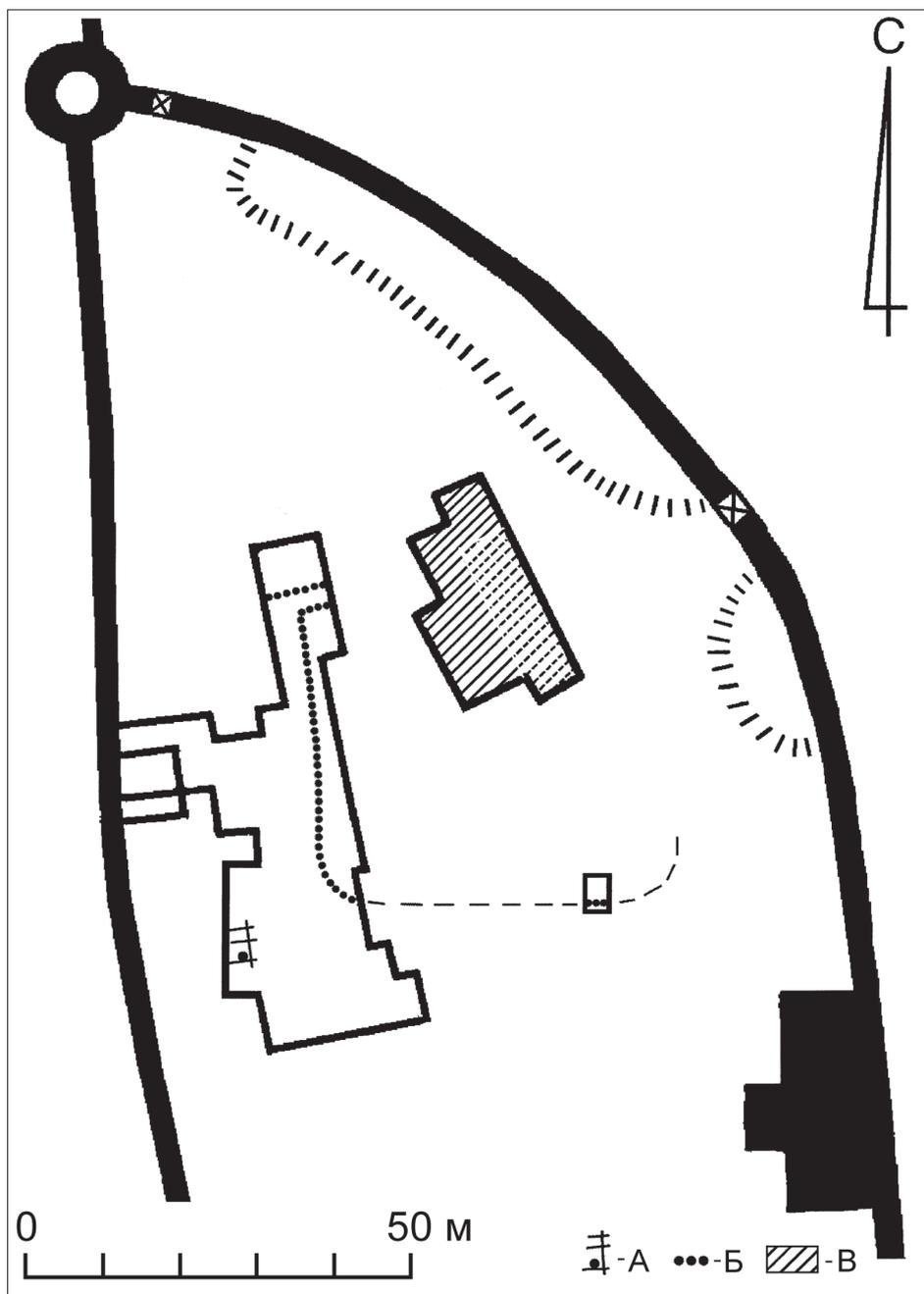


Рис. 16. Северная часть Псковского Крома. Схема застройки XII в.: А — сруб; Б — частоколы; В — деревянная мостовая.

Fig. 16. Northern part of the Krom. Layout of the 12th century development: А — log construction; Б — stockades; В — wooden pavement.



отложениях на Печерском раскопе (рис. 2: № 26). В Мстиславском (рис. 2: № 28) и Казанских (рис. 2: № 54–56) раскопах немногочисленные фрагменты керамики XII в. найдены в предматериковом слое и в материковых ямах (Кулакова 2004: 91; Салмина 2006: 27). В нижнем слое Васильевского раскопа (рис. 2: № 30) находки керамики второй половины XI–XII вв. объясняются, «с одной стороны, близостью городского посада, с другой — функционированием одной из оживленных дорог на подъезде к городу» с юга (Королева, Харлашов 1994: 82–83, рис. 8). Найденные в Никольском раскопе (рис. 2: № 63) фрагменты сосудов конца XI–XII вв. происходят из предматерикового слоя и также связаны с функционированием древней дороги, ведущей к городу с востока (Степанов, Яковлева 1994: 104, 108–109, рис. 8). В раскопах на Романовой горке (рис. 2: № 32) под культурным слоем XV–XVII вв. открыты погребения могильника XI–XII вв. (Кильдюшевский 1994: 20).

На территории Запсковья (правобережье Псковы) следы застройки второй половины XI–XII вв. в виде материковых ям и частокольных канавок были зафиксированы (Белецкий С. 1982а: 55–57, 1982б: 57; Плоткин 1986: 21; Белецкий С., Мержанова 1988: 12–13, 1989: 95–96; Новикова 1990: 98; Ершова, Салмина 1996: 119; Салмина 2001: 30) в раскопе 1989 г. на ул. О. Кошевого, в Богоявленских, Воскресенских и Козмодемьянских раскопах (рис. 2: № 81–83, 97, 98, 99, 101, 102, 105). Вероятно, к этому же времени относятся (Степанов 1997: 318–319; Закурина 2004: 32–33) и нижние слои Лубянских раскопов (рис. 2: № 106, 107). Ранее уже было высказано предположение, что кварталы на Запсковье в XI — начале XIII в. размещались, главным образом, к югу и юго-западу от современной ул. Школьная (Белецкий С., Мержанова 1988: 12; Белецкий С. 1993: 90); результаты раскопок последних лет, как будто бы, подтверждают эту гипотезу.

Во второй половине XI–XII вв. продолжало существовать поселение на левом берегу Великой напротив Среднего города (рис. 2: № 112–116), возникшее на рубеже X–XI вв. (Харлашов 1994: 66–67, рис. 24; Закурина, Степанов 2008: 20, 24, 25, рис. 15, 19, 20). Вероятно, жители именно этого поселения хоронили своих умерших в курганно-жальничном могильнике XI–XII вв., открытом в 1886 г. при случайных обстоятельствах на территории Областной (Земской) больницы и обследовавшемся Х. И. Мосберг в 1940 г. (Ершова 1989: 16–18).

Кроме того, раскопками 2006 г. слой XI–XII вв. был выявлен (Салмина, Салмин 2008: 29–52) в прибрежной части Завеличья напротив Кремля (рис. 2: № 108–110). В XII в. на территории Завеличья строятся два каменных храма — Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря, расписанный фресками, и собор Иоанна Предтечи Ивановского монастыря.

Таким образом, в течение столетия — с середины XI до середины XII в. — территория неукрепленного поселения в междуречье Псковы и Великой выросла, по сравнению с предшествующим временем, более чем в три раза, превысив 40 га (рис. 21). В это время начинает формироваться уличная сеть: одна из двух улиц, прослеженная в раскопах 1955, 1958–1960 гг., проходила вдоль берега Великой и выводила мимо Васильевского раскопа в сторону Романовой горки; вторая, зафиксированная в раскопе 1954 г. и, возможно, в раскопах «на ул. Ленина» (?), шла вдоль берега Псковы и переходила в древнюю Новгородскую дорогу, участок которой был открыт в площади Никольского раскопа. Улицы, мостовые которой были открыты в раскопе 1956 г.,



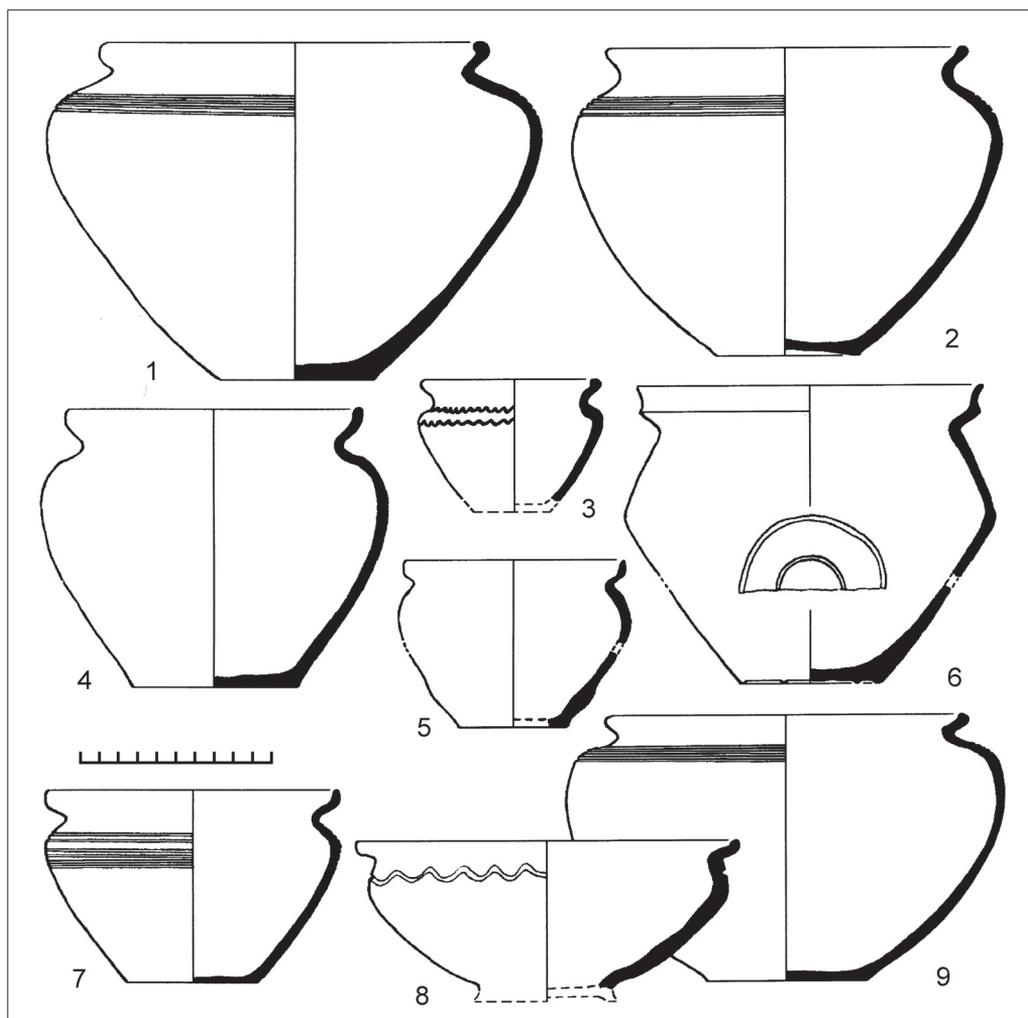


Рис. 18. Круговая керамика Пскова XII–XIII вв. (по В. И. Кильдюшевскому).

Fig. 18. Circular pottery of Pskov. 12th–13th centuries (after V. I. Kil'dyushevsky).

быть отождествлен с древнерусским Псковом, исторические судьбы которого отразились в письменных источниках, прежде всего — в летописи. Однако соотношение Пскова второй половины XI–XII вв. с раннегородским образованием конца IX — первой половины XI в. продолжает оставаться предметом дискуссии (Седов 2003, 8–18; Белецкий С. 2003: 111–117; 2006; Дискуссия 2003: 262–264). В любом случае, безоговорочно считать эти два поселения этапами эволюционного развития одного и того же населенного пункта, на мой взгляд, было бы, по меньшей мере, неосторожно.

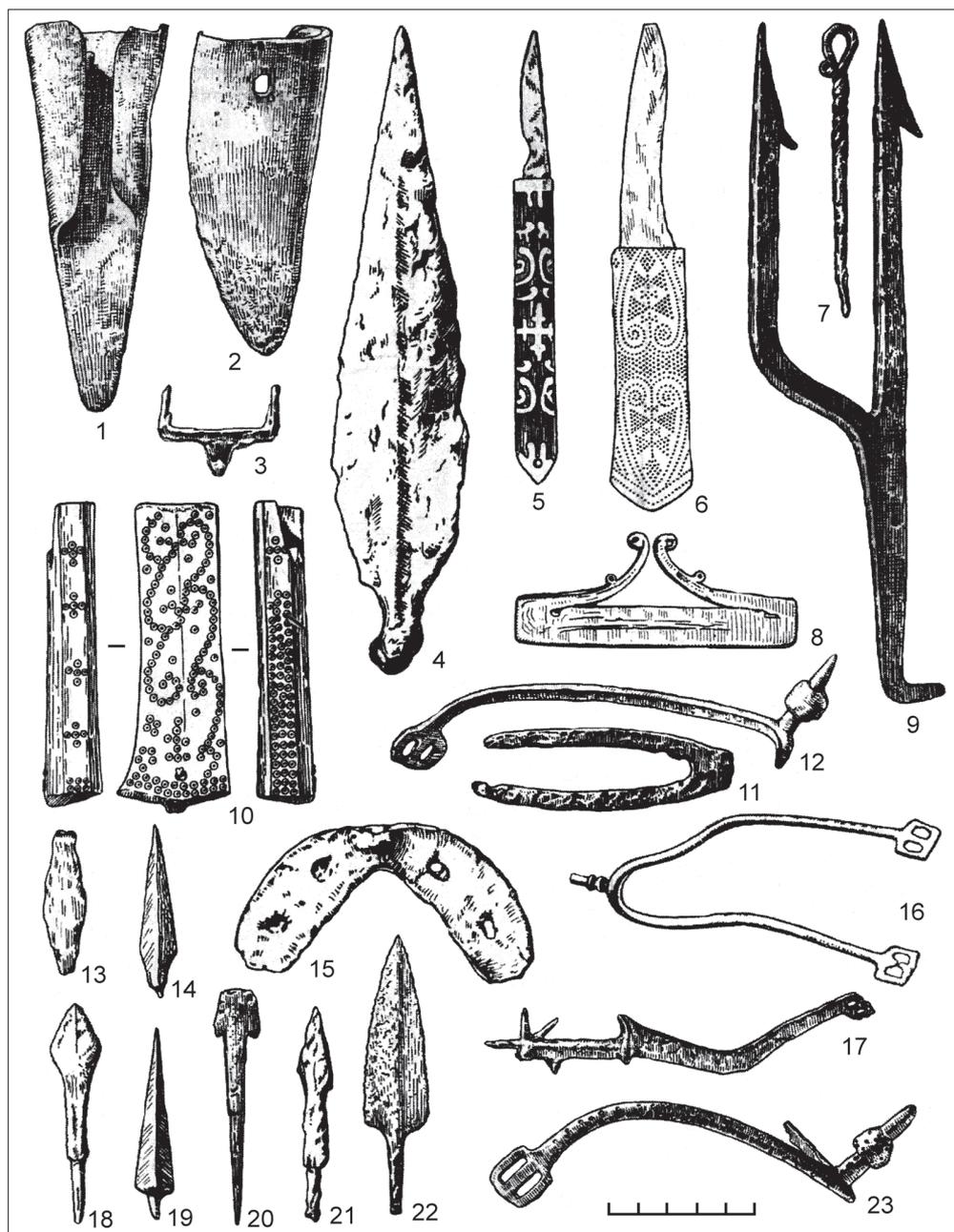


Рис. 19. Орудия труда, бытовые предметы и предметы вооружения XI–XIII вв. из раскопок в Пскове в 1954–1956 гг. (по Г. П. Гроздилову).

Fig. 19. Tools, household articles and weapons of the 11th–13th centuries from Pskov excavation pits of 1954–1956 (after G. P. Grozdilov).

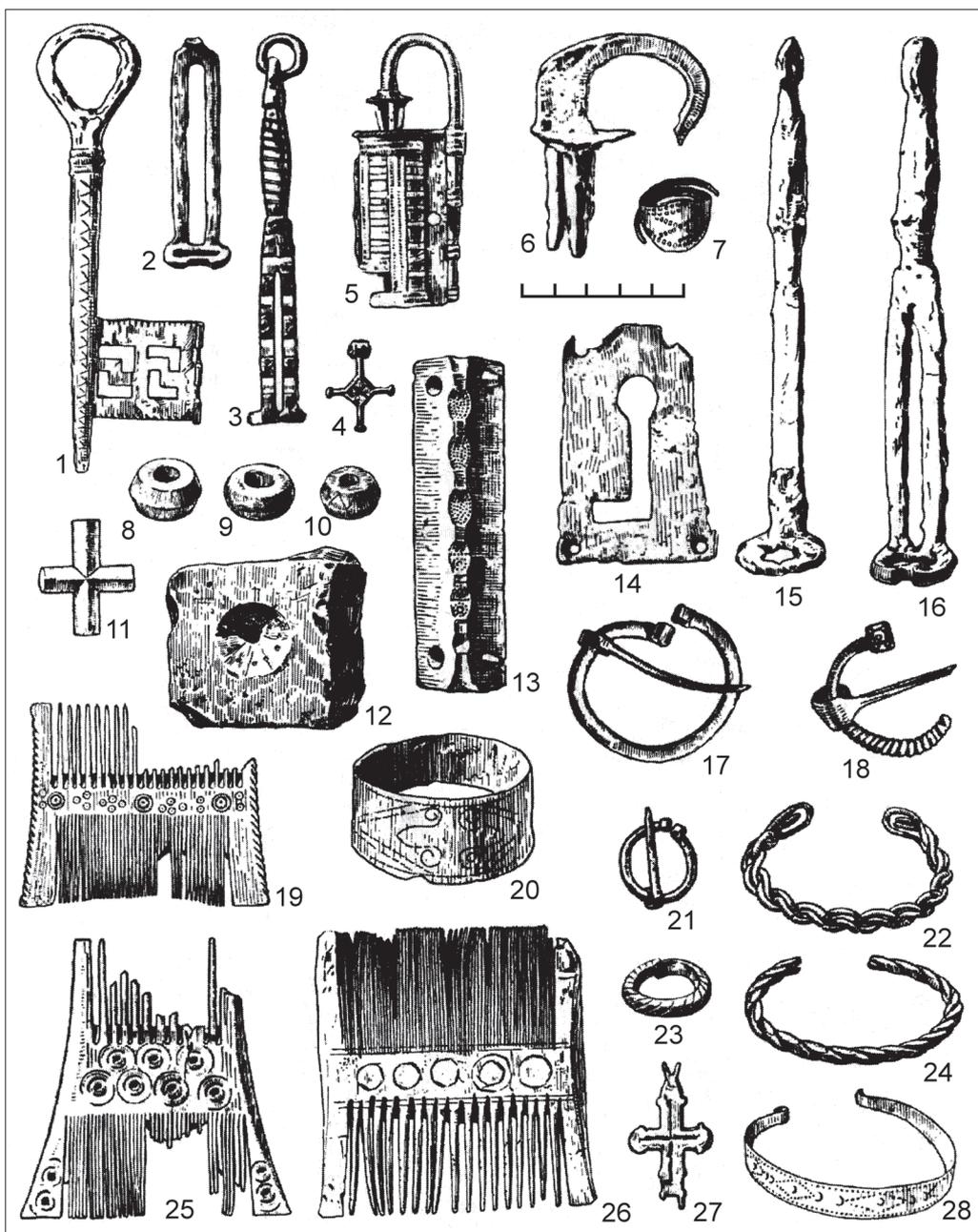


Рис. 20. Бытовые предметы и ювелирные изделия XI–XIII вв. из раскопок в Пскове в 1954–1955 гг. (по Г. П. Гроздилову).

Fig. 20. Household articles and jewelry of the 11th — 13th centuries from Pskov excavation pits of 1954–1956 (after G. P. Grozdilov).

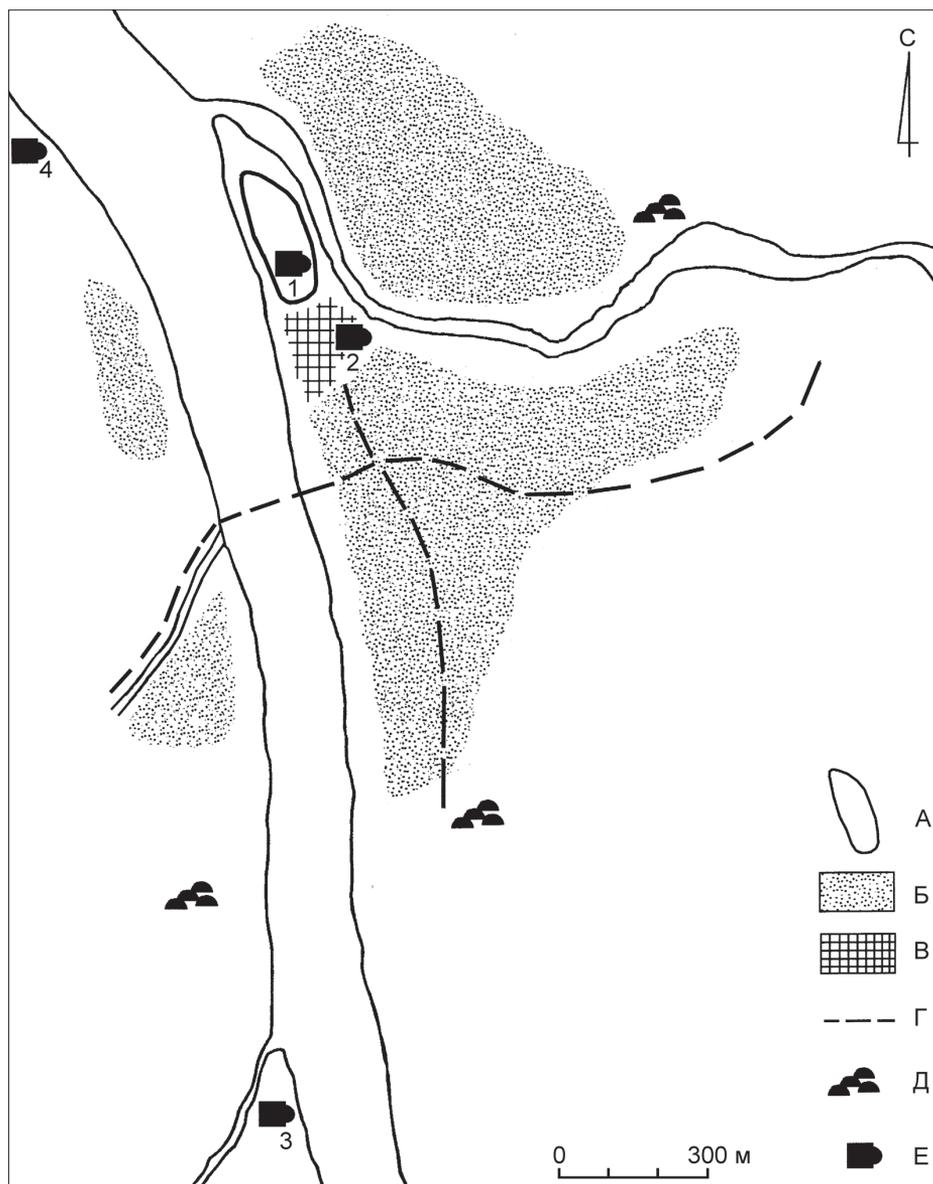


Рис. 21. Топография Пскова XI — начала XIII в.: А — детинец; Б — неукрепленные поселения (посады); В — торг; Г — трассы улиц; Д — могильники; Е — каменные храмы (1 — Троицкий собор; 2 — ц. Дмитрия Солунского; 3 — Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря; 4 — Ивановский собор).

Fig. 21. Pskov topography of the 11th — early 13th centuries: A — Detinets; Б — unfortified trading suburbs (posad); В — market place; Г — street layout; Д — burials; Е — stone churches and cathedrals (1 — Cathedral of St Trinity; 2 — Church of St Demetrius of Thessaloniki; 3 — Cathedral of the Lord's Transfiguration in Mirozhsky monastery; 4 — Cathedral of St John).

## Литература

- Александров А. А., Кильдюшевский В. И. 1988. Псковский клад 1881 г. // Земля Псковская, древняя и социалистическая. Материалы научно-практической конференции. Псков: ПОМЗ. 71–74.
- Артемьев А. Р. 1991. Фенно-скандинавские предметы вооружения в Пскове и Изборске // Земля Псковская, древняя и современная. Материалы научно-практической конференции. Псков: ПОМЗ. 71–72.
- Белецкий В. Д. 1966. Поиски древнейшего памятника архитектуры средневекового Пскова — церкви Дмитрия Солунского постройки 1144 г. // Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа за 1965 г. Л.: ГЭ. 13–16.
- Белецкий В. Д. 1966. Раскопки в Пскове // СГЭ 27. 87–88.
- Белецкий В. Д. 1967. Работы Псковской археологической экспедиции в 1966 г. // Тезисы докладов научной сессии Государственного Эрмитажа за 1966 г. Л.: ГЭ. 7–8.
- Белецкий В. Д. 1983. Работы Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа // АО 1981 года. М.: Наука. 6.
- Белецкий В. Д. 1989. Псковская экспедиция Эрмитажа (к итогам раскопок 1954–1987 гг.) // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л.: ГЭ. 188–205.
- Белецкий В. Д., Белецкий С. В., Попов С. Г. 2000. Стратиграфия и хронология нижнего слоя Псковского городища // Далекое прошлое Пушкиногорья 5. 23–34.
- Белецкий С. В. 1978. Раскопки в Псковском кремле в 1972–1974 гг. // КСИА 155. 57–63.
- Белецкий С. В. 1979. Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тысячелетия н. э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР.
- Белецкий С. В. 1980. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА 160. 3–18.
- Белецкий С. В. 1981. Раскопки Псковского городища в 1977–1978 гг. // В. В. Седов (ред.). Древнерусские города. М.: Наука. 40–62.
- Белецкий С. В. 1982а. [Богоявленский раскоп] // АИППЗ. 55–57.
- Белецкий С. В. 1982б. [Воскресенский раскоп] // АИППЗ. 57.
- Белецкий С. В. 1983. Псковское городище (керамика и культурный слой) // АИП 1. 46–80.
- Белецкий С. В. 1993. Древний Псков по данным археологии // В. М. Масон, Е. Н. Носов, Е. А. Рябинин (ред.). Древности северо-запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб.: Петербургское востоковедение. 78–97.
- Белецкий С. В. 1996. Начало Пскова. СПб.: ИИМК РАН. 5–92.
- Белецкий С. В. 1998. К истории строительства ц. Дмитрия Солунского в Пскове // Церковная археология 4. 39–44.
- Белецкий С. 2000а. Еще раз о нижнем слое Псковского городища // Stratum plus 4. 209–214.
- Белецкий С. 2000б. Древнейшие фортификации Пскова // Бомбардир 9. 27–28.
- Белецкий С. 2003. Когда возник Псков? // Псков в Российской и Европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). Т. 1. М.: МГУП. 111–117.
- Белецкий С. В. 2006. Еще раз о культурной стратиграфии нижнего слоя Псковского городища и возникновении города Пскова // М. Dworaczuk (red.). Świat Słowian wczesnego średniowiecza Szczecin. Wrocław: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. 107–130.
- Белецкий С. В., Лесман Ю. М. 1979. Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии // СА 1. 303–313.
- Белецкий С. В., Мержанова К. А. 1986. Новые данные по археологии Запсковья (г. Псков) // АИППЗ. 11–13.
- Белецкий С. В., Мержанова К. А. 1989. Козмодемьянский раскоп // АИППЗ. 95–96.
- Волочкова О. К., Закурина Т. Ю. 1996. Погребения древнерусского курганного некрополя Пскова (по материалам раскопок V, XI, XII) // АИП 3. 119–130.



- Плоткин К. М. 1992. Начало Пскова // В. В. Седов (ред.). Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков: ПОМЗ. 20–43.
- Плоткин К. М. 1996. Граница псковского некрополя (по материалам раскопа X) // АИПЗ. 161–171.
- Романов К. К. 1930. Разведочная раскопка в Псковском Кремле в 1930 г. Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1/1930 125.
- Салмина Е. В. 2001. Работы на Богоявленских X–XIV и XVIII раскопах в 1999 г. // АИППЗ. 21–31.
- Салмина Е. В. 2006а. Мстиславский раскоп 2003 г. в Пскове // АИППЗ. 25–32.
- Салмина Е. В. 2006б. Новые данные о могильниках догородского периода на Запсковье средневекового Пскова // Muinasaja teadus 18. 181–190.
- Салмина Е. В., Салмин С. А. 2008. Ольгинские I–III раскопы 2006 г. на Завеличье средневекового Пскова // АИППЗ. 29–52.
- Седов В. В. 1998. Первые страницы истории Пскова // Історія Русі-України (історико-археологічний збірник). Київ: ІА НАНУ. 42–48.
- Седов В. В. 2003. Становление Пскова // Псков в Российской и Европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). Т. 1. М.: МГУП. 8–18.
- Скрынникова Е. В. 2000. Перси Пскова // Бомбардир 9. 28–29.
- Степанов С. В. 1997. Раскопки в Примостье // Памятники старины. Концепции, открытия, версии. Т. 2. СПб.; Псков: ПОМЗ. 314–319.
- Степанов С. В., Яковлева Е. А. 1994. Раскопки на улице Некрасова (Никольский раскоп) // АИПЗ. 97–109.
- Тараканова С. А. 1947. Раскопки в Пскове // КСИИМК 17. 133–138.
- Тараканова С. А. 1948. Раскопки в Псковском кремле // КСИИМК 21. 140–147.
- Тараканова С. А. 1949. Раскопки в Пскове (1945–1947 гг.) // КСИИМК 27. 104–112.
- Тараканова С. А. 1950а. Новые материалы по археологии Пскова // КСИИМК 33. 48–62.
- Тараканова С. А. 1950б. О происхождении и времени возникновения Пскова // КСИИМК 35. 18–29.
- Чернягин Н. Н. 1937. Раскопки в Псковском Кремле // СА IV.
- Чернягин Н. Н. 1941. Псков. Кремль // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 28–32.
- Харлашов Б. Н. 1994. Некоторые итоги раскопок на Завеличье // АИПЗ. 44–76.
- Харлашов Б. Н. 2007. Охранные археологические раскопки в Пскове в 1997–2005 гг. // АИППЗ. 66–82.
- Яковлева Е. А. 2006. Камерное погребение X в. из Старовознесенского раскопа // АИППЗ. 66–78.
- Яковлева Е. А. 2008. «Камерные» погребения псковского некрополя // А. П. Деревянко, Н. А. Макаров (ред.). Труды II (XVIII) всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН. 419–421.
- Яковлева Е. А. 2009. Псковский археологический центр в 2007 году // АИППЗ. 5–33.
- Beletski S. 2009a. Pihkva linnus I aastatuhandel pKp // Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Tartu. 402–405.
- Beletski S. 2009b. Pihkva 11. sajandil — 13. sajandi alguses // Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Tartu. 413–416.
- Beletski S. 2009c. Viikingiaegne Pihkva // Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Tartu. 406–412.
- Mazurkevič A. 2009. Kiviaegsed leiud Pihkvast // Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Tartu. 401.
- Jakovleva J. A. 2006. Nytt gravfynd fran furstinnan Olgas tid i sentrala Pskov / New burial finds in central Pskov from the time of princess Olga // Historiska Nyheter. Specialnummer om Olga & Ingegerd / Olga & Ingegerd — Vikingafurstinnor i ost Viking Princesses. Statens historiska museum 2004–2005. Stockholm. 18–20.
- Yakovleva E. A. 2010. Mobilier funéraire d'une tombe de Pskov // Sainte Russie. L'art russe des à Pierre le Grand. Catalogue de l'exposition. Musée du Louvre. Paris. 63–64.